

ПО СЛѢДАМЪ
ПРЕСТУПЛЕНІЙ

И В А Н

ЛЮБЕНКО

ПРИГОВОР

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л93

Художественное оформление *С. Власова*

Любенко, Иван Иванович.

Л93 Приговор / Иван Любенко. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 256 с.

ISBN 978-5-04-093183-5

После большевистского переворота 25 октября 1917 года статский советник Клим Пантелеевич Ардашев, руководитель «Бюро для объединения деятельности различных органов Министерства иностранных дел по контрразведке» МИДа России, уезжает в Ставрополь в надежде переждать смуту в тихом городке. Но спокойствия в провинции его семья не обретает. И большевики, и английская разведка охотятся за статским советником, пытаясь получить доступ к информации о резидентуре МИДа царской России. Ардашев — единственный оставшийся в живых носитель этих секретных сведений. Ему вынесли приговор, и теперь он мишень, которую все стремятся поразить.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Любенко И., текст, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-093183-5

*Светлой памяти офицеров
Петра и Павла Ртищевых,
казненных большевиками
на Ямарочной площади в Ставрополе
27 июня 1918 года.*

Часть первая
СЕКРЕТНАЯ КАРТОТЕКА

• 1 •

НА ПЕРРОНЕ

У Иркутск, 29 марта 1917 года.

треннее марево стало понемногу расходиться. Снег, еще не вывезенный с перрона и сложенный в большие прямоугольные кучи, от угольной пыли теперь казался серым, как тюремная стена.

Где-то далеко, почти у самого горизонта, на просветленном небе темной кляксой вырисовывался дымный паровозный след. Поезд приближался и уже через несколько минут, сбросив скорость, медленно поравнялся с вокзалом и, издав последний вздох, замер. Из вагонов высыпались люди в арестантской одежде. Среди них был и невысокий, щуплого телосложения каторжанин. Он окинул взглядом вокзальные строения и почему-то сравнил их с шахматными фигурами. Расположенные по краям двухэтажные здания напоминали ладьи, а два шпиля на колоннах перед главным входом сошли бы, пожалуй, за слонов; одноэтажный зал ожидания в шестнадцать окон, протянувшийся во

всю длину, смахивал на стройный ряд пешек. Эту архитектурную идиллию портила лишь толпа людей, размахивающих красными флагами с выведенными на них словами «Свобода» и «Демократия».

Все происходящее казалось теперь каким-то нереальным сном.

Еще месяц назад он отбывал наказание в тюрьме, именуемой Александровским централом. Опостылевшая за восемь лет заунывная песня с неприятным мотивом все сидела в голове, и от нее, казалось, не было никакого избавления:

Далеко в стране Иркутской,
Между скал и крутых гор
Обнесен стеной высокой
Чисто выметенный двор.
На переднем на фасаде
Большая вывеска висит,
А на ней орел двуглавый
Позолоченный блестит...
Это, парень, дом казенный —
Александровский централ.
А хозяин сему дому
Здесь и сроду не бывал...

Таких, как он, приговоренных к пожизненному ношению кандалов, из Александровской тюрьмы прибыло двести сорок четыре человека. Амнистия Временного правительства дала свободу не только политическим заключенным, но и уголовникам. Тут главное было правильно воспользоваться моментом. И многие своего шанса не упустили.

Сбившись в кучку, освобожденные с недоверием и опаской глядели, как их приветствуют те, кто скоро вновь станет их жертвами. Но это произойдет позже, а пока прибывшие казались кроткими и невинными овечками, пострадавшими от полицейского и судейского произвола. На них смотрели с сочувствием. Члены Комитета помощи амнистированным выдавали каждому по ведомости деньги, снабжали одеждой, кормили и устраивали на ночлег. Те же, кто не хотел оставаться в Иркутске, могли проследовать дальше по железной дороге до самого места назначения в вагонах 2-го и 3-го классов совершенно бесплатно. Для этого нужно было лишь зарегистрироваться и получить билет. Именно так он и решил поступить, а не оставаться в городе.

Неожиданно к нему подошла совсем юная барышня. От нее пахло весной — давно забытым запахом мимозы и тюльпанов. А может, это ему просто показалось? Ведь, начиная со своего ареста, — тогда, в уже далеком 1909 году, — он не держал за руку ни одну женщину. Да что там! Даже женщин-арестанток он видел всего два или три раза. Голова начинала понемногу кружиться, и, чтобы не упасть, он на миг закрыл глаза.

— Вам плохо? — послышался беспокойный вопрос.

— Нет, напротив, хорошо, как никогда, — улыбнулся он и спросил: — Как вас зовут, сударыня?

— Елена, — вымолвила она почти шепотом.

«Значит, мать ее кличет Леночкой, Ленусей и, возможно, Аленкой, — подумал он. — Если

у меня будет когда-нибудь дочь, я ее так и назову. Очень ласковое имя».

— А чем, позвольте узнать, вы занимаетесь?

— Я окончила гимназию и хотела поступить на женские курсы, но партийная работа отнимает так много времени, что пока решила не торопиться.

«Господи, о чем она? О какой партийной работе говорит? Что они тут, на воле, совсем с ума сошли? Такой красавице надо детишек растить да суженого радовать ночами».

— А в какой же вы партии?

— В партии социалистов-революционеров. Но я придерживаюсь умеренного крыла, как и Александр Федорович.

— Кто, простите?

— Как? Разве вы не знаете? Ах да, — смутилась она и тут же пояснила: — Александр Федорович Керенский — новый министр юстиции.

— Кто бы мог подумать! — взмахнул руками он. — Эсер — и министр!

— А вы разве не социалист-революционер? А у меня отметка стоит, что вы политический узник и принадлежите к нашей партии.

— Так и есть. А удивляюсь я потому, что как-то странно получается: пока мы томились в застенках и гремели кандалами, другие уже верховодят. Разве это справедливо?

— Я не знаю, — девушка опустила глаза. — А вы давно в партии?

— Восемь лет...

— И с Марией Александровной Спиридоновой, верно, знакомы?

— Не без этого... так, пару раз встречались.

— А вы не хотите выступить перед нашим активом? Я могла бы все устроить.

— Простите, но для витийствований сейчас не лучшее время. Надо революцию защищать и не только в столице, но и в провинции. Поэтому и тороплюсь в Ставрополь, что на Кавказе.

— Хорошо, тогда пойдемте вас покормят. Тут внутри вокзала все уже приготовлено, не ресторан, конечно, но ничего. Суп с мясом, картофель, компот из сухофруктов... А потом вам надобно получить в кассе билет до места назначения. Назовете свою фамилию кассиру. И вот, — она вынула из сумочки несколько банкнот, — возьмите, пожалуйста, это от меня лично. А как получите билет, вам выдадут еще небольшую сумму на дорожное питание от нашего Комитета. Деньгами распоряжается вон тот товарищ. Видите? — И она указала на человека в боярке и пальто с собольим воротником.

— Нет-нет, я не возьму, — замотал он головой. — Ни в коем случае!

— Берите-берите. Вам они нужнее. Нас всех ждет упорная борьба с наследием самодержавия. И такие товарищи, как вы, поведут нас, неопытную молодежь, за собой. — Она улыбнулась прекрасной, слегка стеснительной улыбкой и сунула деньги ему в карман.

«Господи-господи, прости мне все мои прегрешения, прости высокомерие и жадность, похоть и пьянство. Избавь меня от греха смертоубийства и воровства... А хочешь — забери у меня еще десять лет жизни (я все-таки надеюсь, что

после этого останется хоть год-два, правда?), но взамен подари любовь этой прекрасной нимфеи, этого чистого и неиспорченного создания, этого нежного цветка», — произнес он про себя, дрожа, будто гимназист, впервые почувствовавший прикосновение обнаженного женского тела.

Он всматривался в черты юного лица и мысленно обнимал ее плечи, руки, стан... Только Создатель остался глух к его молитве. Не обращая больше на него внимания, девушка развернулась и поспешила в сторону следующего, только что освободившегося, каторжанина с таким же блуждающим по перрону взглядом. «Ну что ж, раз Ты отверг меня, тогда я обращусь к Твоему заклтому врагу... И я уверен — Князь Тьмы услышит меня!»

Его рука сама опустилась в карман и, скомкав в нем только что подаренные ассигнации, выбросила их в грязную, пахнущую дегтем лужу. «Ничего, обойдемся», — прохрипел он сквозь зубы и, едва передвигая ноги, будто скованные полупудовыми кандалами, поплелся к вокзальным дверям.

• 2 •

В ЗАСТЕНКЕ

Слепые фанатики и бессовестные авантюристы сломя голову мчатся якобы по пути к «социальной революции» — на самом деле это путь к анархии, к гибели...

*А. М. Горький, статья
«К демократии», «Новая Жизнь»
№ 174, 7 (20) ноября 1917 г.*

*Ставрополь,
губернская тюрьма, 1918 год.*

Вода собиралась на стенах большими серыми каплями, похожими на беременных пауков. Пробираясь между трещинами кирпичной кладки, она сбегала на грязный пол маленькими кривыми ручейками и образовывала лужу прямо посередине камеры. Июль выдался жаркий, и свежий воздух, попадавший через ржавую решетку, казался дыханием сатаны, призванным из Преисподней, чтобы задушить измученных, но еще живых людей, обреченных на скорую и, если повезет, не очень мучительную смерть.